

Дмитрий Баохуанович Пэн

Английская лексика в русскоязычной
глянцевой журналистике Украины

Английская лексика в русскоязычной журналистике XXI века продолжает и развивает многовековую историю плодотворного взаимодействия двух культур. Ещё в конце XVIII века русское образованное общество получает возможность прочесть под названием *Путешествия Гулливеровы* (1772-1773) сделанный Ерофеем Коржавиным перевод с французского языка бессмертного памфлета Джонатана Свифта *Travels into several remote nations of the world in four parts by Lemuel Gulliver, first a surgeon, and then a captain of several ships* (1726). С этим автором в российскую литературу приходит памфлетная журналистика и жанр памфлета (англ. „pamphlet”). Первый значительный памфлет Свифта *Битва книг* (*The battle of the books* – 1697, изд. 1704), возможно, оказывает влияние на романтическое тайное литературное общество „Арзамас”: в одном из шуточных протоколов этого общества, членами которого были В.А. Жуковский и А.С. Пушкин, при описании аллегорического шествия детей Словесности используется образ пчёл, собирающих для Поэзии-девы мёд с цветов не только чужих, но и домашних. Образ этот перекликается с образом пчелы у Свифта, которая посещает все цветы, садовые ли, полевые ли, обогащаясь их дарами и не причиняя им вреда. Всеевропейская битва умов, на бранном поле которой подвизался в лёгком памфлетном жанре великий английский сатирик, секретарь интеллектуала-дипломата Темпла, захватывает Россию, которой предстоит принять участие и в своей битве книг, сражении между классическим античным наследием и самобытной новой европейской национальной литературой. Памфлетной битвы книг, в которой на правах верного оруженосца своего литературного рыцаря Темпла дебютировал Свифт, в России не допустит патриархальная отсталость и неразвитость городского сознания,

но эта же неразвитость и отсталость станет почвой для битвы журналов, берущихся объединить разрозненные по затерянным среди бескрайних просторов помещьям российские умы. Уже в начале XIX века Россия заимствует из Англии не только французское изобретение роторного производства бумаги, но и семнадцать мастеров, тайно вывезенных на военном судне *Архипелаг*, что и приводит вначале в 1818 году на казённой Петербургской бумажной фабрике (как раз в этом году прекращают свои весёлые устные заседания члены *Арзамаса*), а затем в середине века и фактически повсеместно к подлинному промышленному перевороту в базовой для журнального дела хозяйственной отрасли. Поэтому, когда в 1865-1866 годах Ф.Г. Толль включает в своё вышедшее в Петербурге Приложение к *Настольному словарю* английское заимствование „reporter” в его российской вариации „репортёр”, русский читатель уже сам начинает походить на комически изображённого И.А. Гончаровым во *Фрегате „Паллада”* англичанина, весь день которого организован при помощи хитроумных машин. Газеты и журналы, вскармливающие российское демократическое свободомыслие, живут соединением доставляемых репортёрами новостей с производимой роторами бумагой. И сама профессию репортёра, и ремесло роторного производства бумаги Россия получает благодаря Англии (а то, что с английскими мастерами лучше не соперничать, узнаёт на собственном незадачливом опыте в том же веке лесковский Левша). Через несколько лет после появления в российской лексикографии слова „репортёр” состоится и знаменательный для российской литературы визит американского репортёра и памфлетиста. Местом этого визита станет Крым, через который за 1007 лет до этого визита прошли пути славянской азбуки. Здесь в августе 1868 года живая непосредственная связь англоязычной журналистики и русской словесности примет характер парадоксальной историко-литературной коллизи. Именно в августе 1868 ученик знаменитого арзамасца Василия Андреевича Жуковского примет в Крыму, где он в то время со своей семьёй отдыхает в Ливадии, американского памфлетиста Марка Твена, известного среди прочего и своим изобретением отрывного перфорированного блокнота – атрибута репортёрской профессии начала XX века. Марк Твен совершает путешествие на корабле в качестве корреспондента одной из калифорнийских газет, а питомец знаменитого члена тайного литературного общества к тому времени – коронованный царь-реформатор Российской империи. Не пройдёт и сорока лет, как некоронованный

король американской журналистики удостоит своей аудитории будущего литературного метра революционной России, пополнив его литературные университеты своей блистательной лекцией, в которой назовёт Россию „страной чудес”, почти прибегая к словесной формуле математика-фантаста Льюиса Кэрролла. Так, через века при англо-американском литературно-дипломатическом посредстве установится живая связь двух романтиков Жуковского и Максима Горького, писателей, чьё влияние на российскую журналистику трудно переоценить. Для той российской журналистики, у истоков которой стоит Максим Горький, новейшим механическим чудом станет уже не роторное производство бумаги, а изобретённый в 1884 году в США О. Мергенталером строкоотливной аппарат линотип. И английские заимствования „линотип” (от „linotype” – „линотип”), „ротатор” (от „rotatory” – „вращательный”, „вращающий”, то есть отличный от традиционного плоскочечатного) в XX веке, а принтер (от „printer” – „печатник”, „типограф”) в XXI приносят с собой не только нечто новое в культуре, но феномены гуманитаризированных технологий и гуманитарных технологий, а с ними и новое сознание, объединяющее в себе гуманитарное и естественнонаучное знания. То, что техническое и гуманитарное знание идут рука об руку, – общезначимый закон цивилизации, так конвейер Форда трудно себе представить без управленческих принципов Тейлора. Газетно-журнальное дело здесь не исключение. И связующим звеном гуманитарного и технического знания становится для российской журналистики язык, в котором технический проект и брошюра объединяются двумя значениями одного слова „pamphlet” – английский. Английский в российской журналистике – это язык научно-технического прогресса, культурного обновления и передовой культуры масс. Первая в истории бумагоделательная роторная машина, пущенная в 1803 году на фабрике английского предпринимателя Гамбля и телевизионные российско-украинские фабрики звёзд рубежа XX и XXI веков имеют в основе один принцип механической ротации, с которым восточных славян знакомит именно Англия. Так что английское слово для звёздной глянцевой журналистики – слово технологически исконное, родное, праотеческое.

Разнообразные функции англицизмов в русскоязычной глянцевой журналистике Украины расположены в диапазоне трёх номекнклатур: в-первую очередь, от общекультурологической функции глобализации до прагматической функции, обусловленной задачами рек-

ламных, политических и прочих кампаний, осуществляемых средствами журналистики, во-вторую очередь, от регламентационной, обусловленной задачами режиссуры журнального номера, до особой функции озаглавливания, в третью, от общестилевых функций экспрессии и стандарта, до специфических, замкнутых в пределах одного текста, внутритекстовых. Среди внутритекстовых, как показал анализ взятого материала, заслуживают внимания – сюжетная, колористическая и номинативная.

Особый интерес представляет сюжетная функция англицизмов в текстах не только публицистических, но и художественных.

Сюжет могут иметь и повествовательные жанры журналистики очерк, репортаж, и драматический жанр интервью. В апреле 2008 года журнал мужского стиля жизни „EGO” в рубрике „ТЕМА COVER-STORY” публикует под заголовком „СВОБОДНАЯ & ПРИКОЛЬНАЯ” интервью с „кометой российского шоубиза” из мюзикла „Чикаго” Анастасией Тоцкой, известной киевлянки, талантливой фотомодели и собеседницы (EGO: 80-88).

Имя и фамилия очаровательной модели возвращают нас не столько в мюзикл, сколько в опреченные события. Об этих событиях отчасти напоминает и фотовернисаж Анастасии, то снимающей с себя маску, то вальяжно устраивающейся в кресле какого-то, судя по освещению и декорации, подвальчика, где роскошный цилиндр героини, на первый взгляд, совсем не к месту, то предаётся мечтательным воспоминаниям после промежуточных сценок, возвращаясь всё в том же цилиндре к тому же креслу из подвальчика. Глядя на Анастасию Тоцкую, нельзя не вспомнить об известном Афанасии Ивановиче Тоцком, которого создатель его Фёдор Михайлович Достоевский относил к разряду „погулявших на своём веку джентльменов”. Нельзя не вспомнить и воспитанницу его Настю. В Насте этот безошибочный знаток не просто красоты, а красоты необыкновенной принял самое непосредственное участие. Результату подробно выписанного Достоевским участия мог бы позавидовать Пигмалион. Однако со временем заботой изящного российского денди Тоцкого стала непростая задача женитьбы своей воспитанницы... В этой воспитаннице те, кто немного знаком с классикой российской журналистики, конечно уже узнали Настасью Филипповну из романа „Идиот”. Любопытный мюзикл меркнет в свете этой российской рок-оперетты с фантастической женщиной в роли главной героини (полифонизм романа вполне позволяет увидеть в нём не одну, а множество историй, из которых

история Насти достаточно примечательна и задолго до своего трагического финала). Все эти литературные аллюзии вполне закономерны для интервью, первый вопрос которого неожиданно и резко вводит морфологически ассимилированный англицизм „боксёрский”, задающий ситуацию в духе петербургского музыкального ринга („Музыкальный ринг” – классика российской телевидения рубежа тысячелетий): „EGO: Кого бы вы хотели вызвать на боксёрский поединок?”. Ответ первой же фразой возвращает нас в те же аллюзии: „Не знаю. Это кто угодно может быть. Например, Алла Борисовна или Филипп Киркоров...”. Естественно, что почти половина интервью Анастасии посвящена Филиппу Киркорову. Здесь тоже не обходится без драматического включения англицизмов. Вот одно из ключевых, где англицизм „продюсер” (от английского „producer” – производитель, главный человек в шоубизнесе, финансист, поставщик, постановщик, хозяин) раскрывает роль персоны из первого вопроса-ответа: „EGO: А чем отличается человек Филипп Киркоров от продюсера Филиппа Киркорова?”. Ответ, как и все предыдущие, изображает продюсера Филиппа Киркорова в наилучшем свете. Особый драматизм в том, что, как мы узнаём от Анастасии, а вопрос с драматургией „человек-продюсер” один из последних, третий от конца, если быть точным: „Контракт с Филиппом заканчивается в июле этого года” (EGO: 88). Анастасия Тоцкая из мюзикла перестает быть „Анастасией Филипповной”, комическим двойником фантастической и огненной Настасьи Филипповны Барашковой из романа, но вполне может и сохранить свою позицию комической тени, возможно, и неведомого ей персонажа, но станет ли она звездой большого шоубизнеса („шоубиза” – как фамильярно-иронично редуцирует перенасыщенный роковыми сюжетами англицизм журнал, редактируемый новейшим украинско-английским денди Сергеем Мясоедовым) или останется огненно „рыжеволосой кометой” из мюзикла „Чикаго”? Такова драматургия интервью, выявляемая ключевыми англицизмами, которые в вопросо-ответных диалогических единствах можно считать сюжеттообразующими, функционально сюжетными.

В художественной прозе, которой находится место на страницах глянцевого журнала, сюжетные функции англицизмов не обременены литературными аллюзиями и многослойными драматургическими решениями. В отличие от фантазмагорической реальности шоубизнеса реальность художественной прозы в глянце проще, однозначнее.

Рассказ *Коралловая рыбка*, опубликованный журналом „COSMOPOLITAN” под рубрикой „Проба пера” за мистификационной подписью Лара Крофт имеет в своём сюжете формулу, соответствующую английскому выражению „down and out” (буквально – „вниз и в сторону”, метафорически „опуститься и оказаться на обочине жизни”). Героиня этого рассказа не желает жить по формуле „обмани, но останься”, предлагаемой популярной эстрадной песенкой. Искренне и непосредственно живущая исключительно удовольствиями доставляемыми другом жизни эта достаточно юная особа не смиряется с новым увлечением своего друга-мужа и оставляет его. Финал истории определяют два англицизма. Героиня встречает на пляже „очередного типа”, который через несколько строк оказывается „гавайцем”, а затем и „гавайским парнем”, окончательно отношение к новому знакомому меняется после того, как героиня воспользовалась его предложением поплавать в маске. Красное море, а рассказ завершается на берегу Красного моря, очаровывает своим удивительным подводным миром. Так в лексиконе героини иноязычные наименования парфюмов сменяются новым словом „дайвинг”: „– Это ещё что, – перебил меня „гаваец”. – Вот на дайвинге и вправду чего только не увидишь... Я затрепетала.” (COS: 281) Использовано популярное и на русскоязычных курортах в пределах Украины слово „дайвинг” („дайвинг” от исходного в английском „dive” – погружение под воду). В рассказе возможная игра значений введённого заимствования предполагает и возможную игру рифм: „дайвинг” – подводное плавание с аквалангом и „дарлинг” – любимый. Само слово в сочетании с подробно выписанной психологией мироощущения героини даёт возможности для самого разнообразного дальнейшего сюжетостроения, но сама героиня мечтает об одном. Этой мечтой, вербализованной тоже в английском заимствовании, и завершается талантливый рассказ: „Будет ещё любовь в моей жизни, я уверена. Будет ещё главный шопинг и поиски единственного платья. Представляете, как смотрится белое на безупречно загорелой коже?” (COS: 281) Финальным словом, словом-мечтой становится англицизм „шопинг” („шопинг” – от исходного английского „shop” – магазин, используется не в значении „покупки в магазине”, а в значении „путешествие по магазинам как вид спорта, туризма, развлечения и даже психотерапии, как досуг и образ жизни”) Сюжет рассказа предполагает и развитие в духе памфлета, так как героиня вполне может в итоге превратиться в мумию и быть проданной какому-нибудь соответствующему

готико-романтической стилистике персонажу. Подобные сюжеты намечены ещё магистром Гомозейкою из сказок Владимира Одоевского, а начаться они могут на любом оживлённом проспекте, где из девушки можно превратиться в куклу...

В доступных для понимания формах продолжает художественная проза глянцевого журналистики и классический пушкинский вариант дуэли немецкого и английского романтизма на российской почве. Женский журнал „Натали” в рубрикациином разделе „Частная жизнь” публикует примечательный рассказ, судя по нему, талантливого автора Аллы Сницар „Рыцарь”, сопровождаемый рубрицированным подзаголовком „Маленькие истории” (Н-2: 96-97). Герой юмористической миниатюры третьеклассник Гера Савичев – галантный кавалер, который может подать однокласснице свой носовой платок, а к любимой учительнице, так увлекательно рассказывающей о подвигах рыцаря Айвенго, правда не упоминая о Вальтере Скотте, этот кавалер даже способен отправиться с букетом роз, заменив своей персоной некого Стаса, который своим изысканным костюмом в глазах учительницы способен соперничать с Джеймсом Бондом Йена Флеминга. По дороге к учительнице Гере предстоит встреча с хулиганом-одноклассником. В результате этой предварительной встречи: „Перепачканный землёй, с синяком под глазом, оторванным рукавом и висящей на одном шнурке бабочкой, он гордо держал перед собой спасённый в бою букет роз. – Что случилось, Герман? – всплеснула руками учительница. – Я хочу быть вашим рыцарем – ответил он...” (НАТ-2: 97). Такова кульминационная сцена, в которой польское заимствование из немецкого „рыцарь” иронично использовано по отношению к являющему собой потешный вид третьекласснику. А в завязке, начинающейся с первого в тексте предложения, англицизм „хулиган” (от имени „Hooligan” хозяина таверны, отличающегося весьма своеобразным гостеприимством): „Ученик третьего класса Вова Лямкин – хулиган и двоечник – больно толкнул соседку по парте...” (НАТ-2: 97). Развитие ситуации завязки, определяющее основное конфликтное противоречие тоже связано с введением англицизма: „– Ты, Вова, поступил ужасно некрасиво – сказала она [учительница – Д.П.]. – Настоящий рыцарь никогда бы себе такого не позволил. – А я и не рыцарь! – с вызовом ответил Лямкин. – Я – Спайдермен! – Очень жаль, – вздохнула Елена Андреевна. – Спайдермены скоро уйдут в прошлое, а о славных рыцарях будут помнить всегда...” (НАТ-2: 97). Введён и поставлен в антонимическую позицию-противопоставление

англицизм „спайдермен”, то есть „человек-паук” (от английского „spider” – паук и „man” – человек, использовано наименование персонажа одного из комиксов, созданное по модели наименования персонажа из другого комикса „superman” – сверхчеловек). Лексико-сюжетное единство контекстуальной антонимической пары заимствований „рыцарь-спайдермен” – главный художественный приём рассказа, усиленный достижением в сцене свидания внешнего сходства с пауком и героя-рыцаря.

Для русскоязычного украинского читателя определённые традиции „сюжетной” функции слова в некотором ироническом смысле связаны с уроженцем Украины валашцем Михаилом Матвеевичем Херасковым. Не столько педант, сколько певец дружбы и мирских радостей, он, возглавив Московский университет, перевёл преподавание с латинского и немецкого языков на русский и таким образом языку издаваемых им журналов „Полезное увеселение” и „Свободные часы” придал статус официального языка педагогики высшей школы. В его лирике дружбы ощутимее романские, а не германские языковые влияния („Стихи. Если то тебе приятно...”). Лингвистическая коллизия дружбы с германскими языками неожиданным сюжетом откликнется в повести уроженца Севастополя Константина Михайловича Станюковича *Вокруг света на „Коршуне”*. Сцены из морской жизни” (петербургский детский журнал „Родник”, 1895-1896). В повести даётся яркий художественный параллелизм истории двух матросов, не без дружеского отношения к ним в Америке, встающих на путь эмиграции, и главного героя, для которого дружба тоже может иметь самые неожиданные последствия. Герой этой повести – курсант гардемаринской роты морского кадетского корпуса Владимир Ашанин „по приказанию высшего морского начальства” совершает в 186**-е годы кругосветное плавание, в ходе которого, достойно пройдя все испытания, получает первое флотское офицерское звание гардемарина. Перед присвоением звания юноша влюбляется в очаровательную американку, в доме которой проводит всё своё свободное время на стоянке в Сан-Франциско, а после присвоения звания, уже на стоянке в столице Гавайского королевства на Сандвичевых островах Гонолулу очаровывает саму королеву. Если до этого юноша сам вполне мог остаться в Сан-Франциско, что иногда и случается с матросами, то теперь король готов променять своё королевство на путешествие вместе с российскими моряками, а его премьер-министр с удовольствием бы стал помощником корабельного учителя англий-

ского языка. В Сан-Франциско, с которого начинаются для Ашанина испытания дружбой, связаны и истории двух матросов. История одного из этих двух матросов и вводит в повествование сюжетный англицизм. Первым матросом оказывается беззаботный молодой поливальщик важно увлажняющий из шланга мостовые Сан-Франциско. Этот новоявленный преуспевающий американец окликает Владимира Ашанина на чистом русском языке. А вот второго матроса в Сан-Франциско похищают торговцы людьми и продают на чужой корабль, с которого он счастливо спасается бегством. В рассказе этого матроса мы и встречаем ассимилят-англицизм из лексико-тематической группы „дружба”: „Вот, что рассказывал он капитану о своих злоключениях: – Зашёл я этто, вашескобродие, в салун виски выпить, как ко мне увязались трое мериканцев и стали угощать... „Фрейнд”, говорят... Ну, я, виноват, вашескобродие, предела не упомянул и помню только, что был пьян. ...” (Станюкович 1958: 422). Герой другой повести писателя в салуне Сан-Франциско оставит своих увлѣкшихся разговором со служанкой-чешкой товарищей по кораблю, чем свергнет себя в самые невероятные приключения, так как опоздает на родной корабль и останется в Америке. В сюжетном повороте этих „Похождений одного матроса” („Родник”, 1899-1901) легко узнаётся рефлексия англицизма „фрейнд” и его сюжетной семантики, хотя сюжетный контрастивный параллелизм англицизм – русизмы не используется. Оба произведения выдающегося мариниста изобилуют и другими англицизмами, но так рельефно структурированная, композиционно выявленная сюжетная функция – только у просторечного макаронизма „фрейнд” (от англ. „friend” – друг).

Активно используется глянцева́я журналистикой по отношению к англицизмам функция создания колорита, колористическая. К примеру, ассимилированные англицизмы и англицизмы-вкрапления в заголовках и текстах одного из разворотов рубрики „P.S. тусовка” журнала „PLAYBOY” призваны создать английский колорит, атмосферу общности разнородных событий, соединѣнных на соседних страницах. Заголовки: „ГИГАНТИЗМ ГЛОБАЛИЗМА”, „ТѐМНЫЙ ЛОРД” (Pl-4: 170). Подписи к клише: „The Pinkertones” „Андрей Тараненко / Playboy” и завершающее предложение состоящей из двух предложений хроникальной заметки: „Приглашѣнные испанцы The Pinkertones динамичным выступлением не дали заскучать уставшим от светской жизни представителям арт-тусовки и шоубизнеса” (Pl-4: 171). Ассимилизмы: „глобализм” (от англ. „global”) и „лорд” (от англ.

„lord”), вкрапления: „The Pinkertones”, „Playboy”. Колористическая функция здесь соединяется с номинативной и структурно-композиционной и является производной. Ведущей, основной становится эта функция в текстах сленгового характера, особенно в текстах с использованием молодёжного сленга, отличающегося высокой степенью англицизированнойности: „Фейсы (от англ. „face” – лицо – Д. П.) у всех довольные и расслабленные, прямо как в Раде”, „Она совсем недавно поссорилась со Стасом, своим бойфрендом (от англ. „boy” – мальчик, „friend” – друг – Д. П.)” (In-2: 57).

Колористическая функция англицизмов имеет опыт, знакомый образованным украинским журналистам ещё по рассказу Владимира Галактионовича Короленко „Без языка”, опубликованному в журнале „РУССКОЕ БОГАТСТВО” в конце XIX века (1895, отд изд. 1902). Этот рассказ включает многочисленные английские вкрапления: формулы вежливости, адреса, названия газет. Среди многочисленных употреблений ассимилизмов известнейшим лексикографическим фактом становится первое использование в русском языке таких слов, как „интервьюировать” и „интервьюер” (Черных 1999). Рассказывая о жизни славян в Америке, герой-повествователь, карпатчанин, уроженец Волынской губернии, преисполнен не только сочувствия к своим землякам, но и неподдельного интереса к американским газетчикам, с уважением пишет о человеческих и профессиональных качествах американского журналиста. Сам рассказ вполне можно считать введением в американскую журналистику. Как и для Достоевского в „Бесах”, одним из основных американских событий у Короленко становится суицид, но происходящий не с бывшим эмигрантом уже на родине, а с несчастным посетителем Центрального парка Нью-Йорка. Один из персонажей рассказа не находит общего языка с этим несчастным, что и становится последней каплей, переполняющей чашу терпения и приводящей к печальному финалу: „– Джермен? Спросил незнакомец глухим голосом... – Френч? Тэдеско, итальяно?... (германец? Француз? итальянец?) – Что тебе нужно? – ответил Матвей...” (Короленко 1954: 92). Так, английскому колориту („джермен” – от англ. „German”, немец; „френч” – от англ. – „French”, француз) придаётся семантика колорита жизни и борьбы за жизнь. Качество языка определяет не только качество, но и сам факт жизни. И здесь колористическая функция фактически переходит в сюжетную.

Популярна номинативная функция англицизмов-вкраплений. Наименования марок автомобилей, журналов, произведений, музы-

кальных групп глобализированная периодика обычно воспроизводится на языке оригинала – языке всемирного рынка, которым является английский. Наряду с множеством таких названий существуют и наименования-ассимилизмы. Обычно давать их перевод и даже спрашивать о семантике и смысле считается плохим тоном, демонстрацией своей непричастности к среде, определяющей культурные нормативы. Здесь номинативная функция граничит со сленгово-арготической. Показательно в этом отношении начало интервью „ВАХТЁРЫ СЦЕНЫ”, опубликованное журналом „Playboy” с лидом-подзаголовком „Участники знаменитой группы „БУМБОКС” Андрей Хлывнюк и Валентин „Валик” Матиюк доходчиво рассказывают о квашёной капусте, вирусном маркетинге, личной жизни и особенностях отечественных папарацци.” (P1-3: 55) Высокий статус интервью определяется редакционным рангом интервьюера – Влада Фисуна, главного редактора русскоязычного издания журнала на Украине, что объясняет общую стилистику беседы, состоящую в иронической игре профессиональными клише: „PLAYBOY Вопрос „Что означает название вашей группы?” по-прежнему является самым тупым из задаваемых журналистами? Или появились новые фавориты? АНДРЕЙ Этот вопрос опустился на второе место. ВАЛИК Фаворитом сейчас является вопрос: „А будут ли у вас новые песни?”, АНДРЕЙ ответ на него очень простой: „Нет, не будут! Это вообще последнее интервью группы” (P1-3: 55). Особый драматизм беседы в том, что вопрос об имени группы, являющемся комбинированным комиксизмом „boom” – „box”, переходящий в иронически-роковой внутренний диалог о последнем интервью, имеет характер журналистской аллюзии. Два Андрея, принимающих участие в этом, как отмечается, последнем интервью (один из интервьюеров Андрей Тараненко, один из интервьюруемых Андрей Хлывнюк) с неизбежностью напоминают о журнале „АНДРЕЙ”, который так и не смог занять прочное место на российском рынке глянцевого толстых мужских журналов. Таким образом, в цитируемом редакционном интервью название группы приобретает характер не только общепонятной игры слов, но и номинации-символа роковой игры. Внутреннее двойное рондо с использованием наименований двух крупнейших глянцевого журналов и группы „Бумбокс” переводит эту ироничную метастилистику игры профессиональными клише-стереотипами в стилистику „Музыкального ринга” (санкт-петербургской музыкальной передачи, которая неожиданно превратилась в уникальный общероссийский

президентский телемарафон выборов-2000 под руководством известной ведущей телеринга). Вот эта часть интервью: „PLAYBOY В текстах „Бумбокса” очень много деталей, которые конкретизируют окружающую вас реальность, – шутеры, конверсы, хрущёвки и даже журнал „Maxim” (PI-3: 55). Ряд из трёх названий, выстраиваемых не только синтаксисом интервью, но и полиграфией большой буквы создаёт ситуацию музыкального ринга журналов: „PLAYBOY” ... .. „Бумбокс” ... .. „Maxim”. Фактически и в этом случае переплетение функций – колористической, сюжетной, номинативно-арготической.

Нормативной повседневной практикой следует считать номинативно-презентативную разновидность номинаций, когда важно представить в наименовании то, что наименовано, обычно товар, то что требует особой точности словоупотребления. Обычная номинация без каких-либо усиливающих и осложняющих её функций не может обойтись без англицизмов-экзотизмов и англицизмов, достаточно прочно ассимилированных в русской культуре вместе с их реалиями. Так, в списке-фильмографии картин, в которых снималась известная британская кинозвезда Хелена Бонэм Картер и мастер лингвистического эксперимента Лев Владимирович Щерба имел бы немало проблем с заменой на исконно русский эквивалент таких слов, как „Гамлет” и „клуб” в ассимилированных названиях „Гамлет” и „Бойцовский клуб” (PI-3: 74). Даже если бы такой эксперимент удался, что называется, распалась бы связь времён и читатели бы просто не поняли, о чём идёт речь. Столь же абсурдным было бы прочесть в публикующем тем же журналом и в том же номере очерке о Йене Ланкастере Флеминге „Дети шпиона” – „Иван Крепостной” вместо привычного всем „Джеймса Бонда” (PI-3: 102-105).

Анализ показывает: англицизмы имеют в русскоязычной журналистике функции глобализации и регламентации, а так же представительскую, заголовочную, игровую, номинативную, сленговую, сюжетную, колористическую, тесно взаимосвязанные, взаимопереплетённые, входящие в функционально-иерархические структуры. Англицизм в украинском русскоязычном журнале не окказионализм, не единичный факт словоупотребления, но мощная историко-культурологическая тенденция. На правах важнейшего стилового признака глобализированной журнально-литературной речи англицизмы нормативизируют себя в русской культуре, получающей своё особое развитие на Украине. Эта тенденция демонстрирует лингвистический либерализм украинской культуры и лингвополитики Украины, а вме-

сте с тем силу и гибкость русского языка, обладающего не только свободным порядком слов, постоянно развиваемой лексической многозначностью, но и по-настоящему открытой лексической системой. Отвечает обнаруживаемая тенденция и стремлению к созданию в парадоксально не изолируемом, а интернационализируемом украинском русском особой „гламурно-литературной” речи. (VB-2: 14) Конечно, лингвистические пуристы могли бы в этой связи, обусловленной диллемой мода или норма (исторически преходящая мода или исторически обусловленная норма), вспомнить и опубликованную в первом томе журнала „Современник” за 1836 год статью Николая Васильевича Гоголя „О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году”. Великий российско-украинский писатель этой статьёй берёт под защиту от ветреной и поверхностной моды Джорджа Байрона, Вальтера Скотта и Вильяма Шекспира, глубоко сочувствуя явлениям, как он отмечает, „всемирно-европейским”, но не принимая потребительской эксплуатации этих явлений: „итак, подавай нам Шекспира!” – пародирует Гоголь современного ему критика, а затем и прямо передразнивает его: „С сей точки начнём мы теперь разбирать открытую пред нами книгу. Посмотрим, как автор наш соответствовал Шекспиру”, и далее Гоголь иронично замечает по поводу такой увлечённости модой: „– а между тем разбираемая книга – чепуха, писанная вовсе без всяких притязаний на соперничество с Шекспиром, и сходствует разве только с духом и образом выражений самого рецензента.” (Гоголь 1959b: 106-107). И вместе с тем глобализация интернационализированного русского на Украине – бесспорный факт. Очевидна и плодотворность, литературно-журналистская продуктивность, эффективность такой глобализации, которую не следует связывать ни исключительно с рискованными ню на обложках некоторых журналов, ни с не менее рискованными колебаниями биржевых цен на хлопок, нефть и золото в графиках других изданий, хотя, как известно, без графики биржевых курсов и живописи откровенных ню современное человечество не представить. Одним же из первых глобалистов будет не кто иной, как сам не чуждый влияниям английской и американской литератур Николай Васильевич Гоголь – образцовая фигура сопоставлений и параллелей с англичанином Вальтером Скоттом, американцами Вашингтоном Ирвингом и Эдгаром По. У Гоголя по „Невскому проспекту” гуляют „английские Джонсы и французские Коки”, „бледные миссы и розовые славянки”; Гоголь подарил российской словесности и такой колоритный эпитет, как „Грандиссон

во всех отношениях” (Гоголь 1959с: 115), а вместе с этим эпитетом и не без иронии принимаемые нравственные ценности английского пуританизма, воплотившиеся в положительных образах героев пуританина Сэмюэла Ричардсона (1689-1761). Гоголь глубоко и серьёзно интересовался английской историей, результатом этого интереса стала историческая драма „Альфред”, в которой русскоязычный писатель Украины продолжит свои культурно-исторические поиски нравственных идеалов, перенеся их из рыцарского прошлого запорожской вольницы в рыцарское прошлое противоборства англо-саксов и британцев с викингами (1835, опубл. 1856).

Английская лексика в русской культуре и обладает семонимической организованностью на правах особой языковой подсистемы, и отличается функциональной иерархической организованностью на правах особых речевых систем, наделённых синтагматической и парадигматической активностью. Англицизмы интернационализируют и глобализируют культуру русской речи на Украине, придают русскоязычной периодике Украины дополнительную экспрессиивность, усиливают изобразительно-повествовательные возможности литературно-журнальной речи, делают эту речь точнее и конкретнее при её необходимом обращении к реалиям современной всемирной культуры и цивилизации. И появление английской лексики в блеске гляцевых журнальных страниц – закономерное, перспективное продолжение и развитие многовековой истории культурно-исторического самоопределения литературы восточных славян на всемирной карте языков и народов.

Источники

- СИС – *Словарь иностранных слов*, Москва 1964
 COS – „COSMOPOLITAN” 2008 (апрель 2008, 316 страниц)
 EGO – „EGO” 2008 (апрель 2008, 178 страниц)
 EER – „EER.MAGAZINE.COM” 2005, 1(13) (январь 2005, 80 страниц)
 GL-1 – „GLANCE” 2008, 5 (15) (май 2008, 116 страниц)
 GL-2 – „GLANCE” 2008, 6 (16) (июнь 2008, 116 страниц)
 IN-2 – „INDIGO” 2010, 12 (январь 2010, 66 страниц)
 KW-1 – „КИЕВ WEEKLY.UA” 2009, 45 (361) (27.11-3.12.2009, 68 страниц)
 KW-7 – „КИЕВ WEEKLY.UA” 2010, 2 (367) (22-28.01.2010, 68 страниц)
 [K]W-15 – „[КИЕВ] WEEKLY.UA” 2010, 43 (40) (12-18.11.2010, 52 страницы)
 MAX-1 – „MAXIM” 2007, [4] (апрель 2007, 164 страницы)
 MAX-2 – „MAXIM” 2003-2007, Коллекционный выпуск (2003-2007, 244 страницы)

Дмитрий Баоуанович Пен

- MEN-1 – „MEN'S HEALTH” 2008, [3] (март 2008, 172 страницы)
НАТ-2 – „НАТАЛИ” 2010, 2 (февраль 2010, 244 страницы)
PL-3 – „PLAYBOY УКРАИНА” 2008, 5 (май 2008, 154 страницы)
PL-4 – „PLAYBOY УКРАИНА” 2009, 1 (январь 2009, 178 страниц)
XXL-1 – „XXL.UA” 2009, 9 (сентябрь 2009, 146 страниц)
XXL-2 – „XXL.UA” 2010, 10 (100) (октябрь 2010, 130 страниц)
VB-2 – „VIVA! БИОГРАФИЯ” 2008, 5 (21) (май 2008, 132 страницы)

Библиография

- Черных П.Я., 1999: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, Том 1, Том 2, Москва
Гоголь Н.В., 1959а: *Наброски драмы из украинской истории*, [в:] Н.В. Гоголь, *Собр. Соч. в шести тт.*, Том 4, Москва, с. 427-430
Гоголь Н.В., 1959б: *О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году*, [в:] Н.В. Гоголь, *Собр. Соч. в шести тт.*, Том 6, Москва, с. 87-108
Гоголь Н.В., 1959с: *Повести*, [в:] Н.В. Гоголь, *Собр. Соч. в шести тт.*, Том 3, Москва, с. 7-236
Горький М., 1951: [Марк Твен], [в:] М. Горький, *Собр. Соч. в тридцати тт.*, Том 10, Москва, с. 309
Короленко В.Г., 1954: *Без языка*, [в:] В.Г. Короленко, *Собр. Соч. в десяти тт.*, Том 4, Москва, с. 7-145
Станюкович К.С., 1958: *Вокруг света на „Коршуне”*, [в:] К.С. Станюкович, *Собр. Соч. в шести тт.*, Том 2, Москва, с. 170-603
Станюкович К.С., 1959: *Приключения матроса Чайкина*, [в:] К.С. Станюкович, *Собр. Соч. в шести тт.*, Том 6, Москва, с. 253-678

The english lexicon in the russian glance journalism of the Ukraine

Summary

This article analyzes the English lexicon of the Russian glance journalism (the magazines „Cosmopolitan”, „Glance”, „Ego”, „Playboy”, „Weekly”...). The lexicon is analyzed on the basis of the structural method, in particular the semantics and the function of the lexicon. The bibliography includes 26 references.

Dmitrij Baochuanowicz Pen – dr hab., docent w Katedrze Historii Literatury Rosyjskiej Czarnomorskiej Filii Uniwersytetu Moskiewskiego im. Łomonosowa (Sewastopol, Ukraina), autor monografii *Методы исследования газетного текста* (Ростов-на-Дону 1989), *Слово и тема в газете (опыт анализа лексико-тематических структур)* (Ростов-на-Дону 1991) oraz licznych artykułów, m.in. *Журнал „HELLO!”: драматургия названия (текст и коммуникация)*, „Slavia Orientalis” LVIII, 2009, s. 337-352.